

Персональная история

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922)

Галина Г. Лисицына

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия, galina@eu.spb.ru*

Аннотация. В статье анализируются малоизученные документы по истории Московского института социальной психологии, основанного по инициативе Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) – профессора Московского университета, философа-неокантианца, доктора римского права, социолога, и его роль в процессе развития социологии – важнейшего направления в области общественных наук. Статья написана на основе документов, которые сохранили сотрудники института Леонтий Алексеевич Бызов (1886–1942) и его жена – Наталья Николаевна Фадеева-Бызова (1892–1985). В настоящее время они хранятся в Архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге.

После демонстративного выхода из Московского университета в 1911 г. («Дело Кассо»), как и многие его коллеги, В.М. Хвостов преподавал на Московских женских высших курсах и в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского.

В мае 1917 г. в период правления Временного Правительства, Хвостову удалось создать Московский институт социальной психологии как часть будущего Института социологии, основной задачей которого стало исследование общественных процессов и постепенное выделение социологии в самостоятельную научную дисциплину. Институт просуществовал всего пять лет (1917–1922), причем последние два года уже без В.М. Хвостова (он ушел из жизни в начале 1920 г.). Он понимал, что без социологии – науки об общественных процессах, ростки которой только начали проявляться в России, проигрывают не только общественные науки, но и вся научная среда начала XX в., и надеялся, что с приходом к власти Временного правительства общественная жизнь во всех ее проявлениях станет важным явлением, в том числе и для научных исследований, свободных

© Лисицына Г.Г., 2023

от идеологических догматов. Однако в октябре 1917 г. страна погрузилась в другую реальность – революция и победа большевиков постепенно уничтожали все иллюзии относительно свободы научного выбора. Несмотря на это, институт продолжал вести огромную работу в области изучения социально-психологических процессов и явлений в общественной жизни. Объемы этой работы исчисляются многими часами заседаний, опросными листами и анкетами, рефератами и докладами, научными спорами, практической работой с представителями самых разных социальных групп. Однако постепенно порядки, установленные советской властью, становились для В.М. Хвостова настолько мощным раздражителем, что мечта о формировании социологии как самостоятельной научной дисциплины оказалась неосуществимой. Тем не менее документы о деятельности Московского института социальной психологии представляют большую историческую и научную ценность, их изучение и публикация может внести новые страницы в историю российской и советской науки в начале XX в.

Ключевые слова: В.М. Хвостов, философ, социолог, Московский институт социальной психологии, методология исследований, психология армии, закрытие института

Статья поступила в редакцию 10 октября 2022 г.;

принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Лисицына Г.Г. В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 101–124. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

V.M. Khvostov and the Moscow Institute of Social Psychology (1917–1922)

Galina G. Lisitsyna

*European University at St. Petersburg,
Saint Petersburg, Russia, galina@eu.spb.ru*

Abstract. The article analyzes the little-studied documents on the history of the Moscow Institute of Social Psychology, founded on the initiative of Veniamin Mikhailovich Khvostov (1868–1920), a professor of Moscow University, a neo-Kantian philosopher, a doctor of Roman law, a sociologist; the paper also discusses his role in the development of sociology, the most important direction in the field of social sciences. The article was written on the basis of the documents that were retained by his collaborators Leonty Alekseevich Byzov (1886–1942) and his wife, Natalia Nikolaevna Fadeeva-

Byzova (1892–1985). Currently, the records are kept in the Archives of the European University in St. Petersburg. After having ostentatiously left Moscow University in 1911 (the “Kasso Case”), just like many of his colleagues had done, he taught at Moscow Women’s Higher Courses and at Shanyavsky Moscow People’s University. In May 1917, during the rule of the Provisional Government, V.M. Khvostov managed to create the Moscow Institute of Social Psychology as part of the future Institute of Sociology, the main task of which was to carry out research on social processes and gradually turn sociology into an independent scientific discipline. The Institute existed for five years only (1917–1922), and the last two years – without V.M. Khvostov, who passed away at the beginning of 1920. V.M. Khvostov realized that without sociology, the science of social processes, the sprouts of which had just begun to appear in Russia, not only the social sciences, but the entire scientific community of the early twentieth century would lose out. He hoped that with the coming to power of the Provisional Government, the social life in all its manifestations would become an important phenomenon, including scientific research, free from ideological dogmas. Instead in October 1917, the country plunged into a different reality – the revolution and the victory of the Bolsheviks who gradually destroyed all illusions about the freedom of scientific choice. And nevertheless, the Institute continued to carry out a tremendous amount of research concerning the socio-psychological processes and phenomena in public life. The scope of that work could be perceived through many hours of meetings, questionnaires and survey forms, abstracts and reports, scientific disputes, practical work with the representatives of various social groups. However, gradually, the conditions imposed by the Soviet government turned out to become such a powerful irritant for V.M. Khvostov that the dream of forming sociology as an independent scientific discipline appeared to be unrealizable. And yet, the documents on the activities of the Moscow Institute of Social Psychology are of great historical and scientific value, their study and publication can contribute to the adding of the new pages in the history of Russian and Soviet science at the beginning of the 20th century.

Keywords: V.M. Khvostov, philosopher, sociologist, Moscow Institute of Social Psychology, methodology of research, army psychology, closure of the Institute

The article was submitted 10.10.2022;
accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Lisitsyna, G.G. (2023), “V.M. Khvostov and the Moscow Institute of Social Psychology (1917–1922)”, *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 101–124, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

Введение

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – профессор Московского университета, философ-неокантианец, доктор римского права, социолог. После демонстративного выхода из Московского университета в 1911 г. («Дело Кассо»), как и многие его коллеги, преподавал на Московских женских высших курсах и в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. В.М. Хвостов занимал видное место в Правлении Московского научного университета, организованного в 1912 г. для ведения научной деятельности, свободной от надзора властей. В марте 1913 г. на общем собрании Московского научного института ему было предоставлено почетное право выступить с программой этой новой научной организации¹. Особое внимание присутствующих он обратил на развитие общественных дисциплин, без которых значение науки XX в. представлялось ему ограниченным.

Последнее десятилетие своей жизни В.М. Хвостов посвятил социологии, еще не имеющей места среди официально признанных научных направлений. Для исследований в этой области он мечтал создать институт социологии, но прошло еще несколько лет, прежде чем появились необходимые для этого средства. В мае 1917 г. в период правления Временного Правительства, при поддержке Г.М. Марка, крупного предпринимателя и мецената, финансировавшего науку, свет увидел Институт социальной психологии [Лисицына 2020, с. 172–193]. За неимением достаточных ресурсов, в том числе профессиональных, Хвостов на начальном этапе организовал Институт социальной психологии как часть будущего Института социологии, основной задачей которого стало исследование общественных процессов и постепенное выделение социологии в самостоятельную научную дисциплину.

В.М. Хвостов

и создание Института социальной психологии

Формирование Института социальной психологии В.М. Хвостов начал с набора сотрудников, первыми были его ученики, вернее, ученицы — слушательницы Высших женских курсов и Народного университета им. А.Л. Шанявского. К моменту организации Инсти-

¹ О значении и задачах научного института: Речь, прочитанная в общем собрании «Общества Московского научного института в память 19 февраля 1961 г.» членом Ученого совета и правления В.М. Хвостовым. М.: Тип. Вильде, 1913. С. 24.

туда социальной психологии Хвостова много лет занимали проблемы общественных процессов, которые так или иначе были связаны с социальной психологией, среди них: основные проблемы этики и этика человеческого достоинства; взаимоотношение нравственной личности и общества, психология и равноправие женщин, роль женщины в обновленной культуре; свобода воли, закономерности общественных процессов и другие². Направления мыслей Хвостова, изложенные в учебниках, учебных пособиях и других публикациях, были хорошо известны сотрудникам института, вчерашним его слушательницам, поэтому они с энтузиазмом взялись за предложенные им исследования. В мае 1917 г., к началу работы института, было приурочено издание первого тома «Социологии». Таким образом, к моменту его организации была заложена теоретическая основа под исследовательскую базу новой общественной дисциплины, и Хвостов полагал, что «труд его может представлять интерес <...> при скудости литературы по истории социологических учений»³.

Вениамин Михайлович разработал планы организации Социологического института и Института социальной психологии, оба были одобрены членами правления Московского научного института и утверждены Ученым советом, а заведующим его был избран В.М. Хвостов.

Первое заседание Института социальной психологии проходило 10 мая 1917 г. в женской гимназии Надежды Павловны Хвостовой⁴, жены Вениамина Михайловича. Гимназия располагалась в Кривоарбатском переулке, в доме № 15. Открывая заседание программной

² Хвостов В.М. I. Психология женщин; II. О равноправии женщин. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1911. 68 с.; К вопросу о свободе воли: [Доклад, читанный в Московском психологическом обществе] // Вопросы философии и психологии. М., 1909. Кн. 96. С. 31–54; *Он же*. Нравственная личность и общество: Очерки по этике и социологии. М.: Н.Н. Ключков, 1911. VII, 230 с.; *Он же*. Основные проблемы этики: Конспект лекций, читанных на Моск. высш. жен. курсах в 1908/09 году проф. В.М. Хвостовым: Доп. к учеб. общ. теории права. М.: Литограф. Титяева, [1907]. 239 с.; *Он же*. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. 315 с.; *Он же*. Этика человеческого достоинства: Критика пессимизма и оптимизма. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 168 с.

³ Хвостов В.М. Социология: Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. М.: Изд. Моск. науч. ин-та, 1917. С. 2.

⁴ Женская гимназия Н.П. Хвостовой до революции отличалась либерализмом, поэтому, видимо, нарком просвещения А.В. Луначарский назначил заведующей этой школой ее бывшую владелицу.

речью, Хвостов подчеркнул, что «Институт социальной психологии является лишь одним из отделов Социологического института, предметом изучения которого служит общество как самостоятельное целое»⁵, таким образом, исследования в области социальной психологии являются первым шагом в этом направлении. Процесс организации исследований в намеченной им области Хвостов характеризовал как очень медленный, причину этой медлительности он видел в состоянии социологии как науки, которой, как он признавал, до сих пор в России не существует. Поэтому одну из первых задач института он видел в том, чтобы «найти для социологии новую почву». Он предложил своим сотрудникам два пути или два метода – дедуктивный и индуктивный; первый – для изучения современного состояния социологии различных школ и направлений, второй – применение в работе метода индукции – в наблюдении и изучении окружающей жизни, в сборе и накоплении фактического материала. Хвостов отметил, что до сих пор этот метод в области социологии не применялся, и скорее всего им не избежать ошибок, тем не менее только в процессе работы можно ожидать результатов и выработать наиболее эффективную методику.

В обязанности сотрудников входили подготовка рефератов по произведениям зарубежных и отечественных ученых в области общественных дисциплин, докладов, основанных на собственных наблюдениях, активное участие в обсуждении тех и других. В первом составе института под руководством В.М. Хвостова было всего десять сотрудников, причем жалование получали сам В.М. Хвостов, Л.Д. Баршева, М.В. Резцова, Н.П. Солюс и Н.Н. Фадеева, остальные принимали участие в работе Института на добровольных началах.

Людмила Дмитриевна Баршева вела протоколы заседаний, Наталья Павловна Солюс заведовала библиотекой. Бюджет института состоял в основном из средств, пожертвованных меценатом Г.М. Марком. Сохранилась приходно-расходная книга⁶, в которой отражены расходы на штатных сотрудников – они составляли лишь небольшую часть бюджета, остальная часть средств шла на приобретение книг для библиотеки, крайне необходимой для исследовательской работы. Книги регулярно приобретались у московских букинистов и жителей Москвы, среди них чаще других встречаются имена Леонова, Браиловского, Суворина, Лидерт, названия книжных магазинов «Союз» и «Юрист».

⁵ Протокол заседания Института социальной психологии № 1 от 10 мая 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁶ Приходно-расходная книга Института социальной психологии за 1917–1921 гг. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 4. 45 л.

Часть своей личной библиотеки предоставил институту сам Хвостов, другую часть – 10 тысяч томов, отдал профессор С.Б. Веселовский⁷. Таким образом, уже за два первых года была сформирована солидная библиотека. Кроме того, Хвостов добился для своих сотрудников разрешения заниматься в библиотеке Румянцевского музея.

Вскоре институт проводил свои заседания уже в собственном помещении, выделенном ему Московским научным институтом («три комнатки в полуподвальном этаже особнячка на Сивцевом Вражке (кажется, д. № 4 во дворе)»)⁸. С самого начала Вениамин Михайлович уделял большое внимание взаимодействию с учеными самых разных научных направлений. В первую очередь, это были люди, имевшие отношение к общественным наукам вообще и к социологии в частности. На одно из заседаний был приглашен Богдан Александрович Кистяковский⁹, профессор Киевского университета, правовед, философ и социолог, чье мнение Вениамин Михайлович высоко ценил. К его удовлетворению, Кистяковский назвал счастливой саму мысль о создании такого института и поддержал идею, формирующую его задачи, которая и прежде «витаала в воздухе», но не нашла ясного и определенного выражения. Кистяковский обратился к примеру Г. Зиммеля, первоначальной целью которого была идея коллективной работы в социологических исследованиях, где нельзя справиться одному, однако ни ему, ни его ученикам неясно было, как это осуществить на практике. В результате его большая работа стала плодом индивидуального творчества. Хвостову же, по мнению Богдана Александровича, «удалось уловить самую суть вопроса о коллективном труде, удалось наметить новые пути к разрешению социологических задач. Особенно важно, что благодаря этому новому пути можно будет построить социологию на базисе реальных наблюдений, базисе опыта, а может быть, и эксперимента»¹⁰.

⁷ Из дневника Н.Н. Фадеевой-Бызовой: «...пятница 21 февраля (8 февраля) [1919]. Была в институте. С.Б. Веселовский дает институту в пользование свою библиотеку, тысяч десять томов, много хорошего. Но приходится ее перевозить на салазках. Он сам нам помогал» (*Бызов Л.* Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022)).

⁸ *Бызов Л.* Из воспоминаний моей бабушки: Воспоминания Натальи Николаевны Бызовой-Фадеевой (1892–1985) // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2014/07/10/1983> (дата обращения 10.12.2022).

⁹ Протокол заседания Института социальной психологии № 3 от 12 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4 об.

¹⁰ Там же.

Для проведения коллективной работы, Вениамин Михайлович предлагал особую форму, отличную от традиционных докладов, которой привыкли пользоваться вчерашние слушательницы Высших женских курсов. Доклады о собранных наблюдениях не должны походить на обычные работы теоретического характера. Перед ними была поставлена задача вести записи о наблюдениях по рубрикам на отдельных листах, аргументируя, почему запись сделана в конкретной рубрике. Кроме того, Хвостов предостерегал наблюдателей от стремления оценочного подхода к происходящему. Вся записанная информация должна была находиться в архиве института и по мере ее накопления разбираться всеми сотрудниками¹¹. Другими словами, предлагалось создать базу данных, основанную на наблюдениях, классифицированную по рубрикам и по мере увеличения объема заключенной в ней информации использовать ее в исследовательских целях.

Поиск формы и содержания наблюдений на этом не закончился, чем дальше продвигалась работа, тем больше возникало вопросов. Во время обсуждения схем рубрик, или, как позже их стали называть, «табличек», все чаще возникал вопрос о терминологии для обозначения и разделения понятий¹².

Направления исследований института были настолько разнообразны, что даже для короткого знакомства с каждым из них потребовалась бы написать отдельную статью. Его сотрудники занимались сбором материалов по таким темам, как «Психология толпы», «О тайне и тайных обществах», «О характере властвования», «Логика чувств», «Психология публики», «Психология армии», «Психология великих людей», «О значении пространства для общественных отношений», «О закономерности революций», «О скрещивании социальных кругов», «Общественные классы», «О методах наблюдения», «О психологии русского народа», «О русской интеллигенции», «Литературная публика», «Право как форма социальной жизни», «Мода», «Махаевщина», «Слухи как социально-политическое явление», «Эволюция морали», «Психология кооператива» и др. Часто тема исследования совпадала с интересами самого В.М. Хвостова, который в своих трудах много внимания уделял этическим нормам, соотношению нравственности и права¹³.

¹¹ Протокол заседания Института социальной психологии № 2 от 5 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об.

¹² Протокол заседания Института социальной психологии № 4 от 19 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

¹³ Жаров Т.К. Хвостов Вениамин Михайлович: Проект музея истории МПГУ. URL: <http://mpgu.su/scientists/hvostov-veniamin-mihaylovich/> (дата обращения 10.12.2022).

Это разнообразие направлений объясняется тем, что он пытался охватить как можно больше проявлений общественной жизни, а все вместе они и составляли ее общую картину. Основная проблема, с которой приходилось постоянно сталкиваться и ее разрешать, заключалась в выработке методологии, как общей для исследований в области социальной психологии, так и конкретной в каждом отдельном случае. В.М. Хвостов последовательно проводил мысль о применении сравнительно-исторического метода в исследовании социальных явлений в обществе [Щедрина, Пружинин 2019, с. 379]. «Процессы социально-психологической жизни имеют в основном один механизм. Чтобы раскрыть этот механизм, мы должны сначала взять исторический материал во всей его индивидуальности и конкретности. Затем наша задача путем сравнения возможно большего количества исторических явлений отмечать сходства и делать на основе их обобщения. В то же время необходимо отмечать и вникать в различия, которые в одной области сравнительно-исторического исследования могут являться сходствами в других сферах <...>»¹⁴.

На заседаниях института в обязательном порядке обсуждались научные труды известных ученых: философов, социологов, историков, психологов, писателей и публицистов – подготовка докладов и рефератов входила в обязанности каждого сотрудника, Хвостов и сам часто строил свои выступления на основе анализа научных воззрений западных ученых, особенно выделяя среди них труды Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля¹⁵. Он начал работу над вторым томом «Социологии» и периодически выносил на обсуждение коллег отдельные главы, часто сочетая свои теоретические выкладки с их практическим применением. Так, во время обсуждения программы изучения социальных групп он указывал на различие между группой и классом, которое видел в том, насколько полно и всецело они влияют на личность. В процессе дискуссии по этому вопросу высказывалась мысль, что в некоторые моменты истории требова-

¹⁴ Протокол заседания Института социальной психологии № 52 от 8 октября 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 67 об.

¹⁵ Дюркгейм Эмиль (1858–1917) – основатель французской социологической школы, автор многочисленных работ, посвященных проблемам социологии знания, образования, религии, права, морали и девиантного поведения. Дюркгейм ввел в научный оборот ряд популярных ныне терминов, в частности, «коллективное сознание». Зиммель Георг (1858–1918) – немецкий философ и социолог. Автор работ по философии истории, этике, в последний период работал над трудами по эстетике и философии культуры, создатель теории социального взаимодействия и основоположник конфликтологии.

ния группы или класса к личности могут достигать высокого предела, даже жертвования самой жизни, например так, поступает класс пролетариата, «говорящий о пролетарском сознании совести, долге и требующий ради себя жертвы всеми другими связями личности, даже национальными»¹⁶. Это явление Хвостов, со своей стороны, охарактеризовал как патологию, «ненормальность положения», столь бросающуюся в глаза, «как раз тем, что здесь класс присваивает себе не принадлежащие ему права, класс, так сказать, выдает себя за государство, т. е. за группу, кроме того он давит, исключает все другие классы»¹⁷.

В обсуждении исследовательских направлений института участвовали многие известные ученые, например, при обсуждении социальной психологии национальностей, интеллигенции и бюрократии присутствовал Н.А. Бердяев, мнение которого Хвостов ценил очень высоко. Он принял участие в дискуссии по поводу доклада о бюрократии, который вызвал оживленный интерес участников заседания, и высказался в том смысле, что «в социологии можно говорить о социальной физиологии и социальной патологии, подобно тому как, например, врач имеет дело как с физиологией, так и с патологией организма. Социальную патологию мы имеем в том случае, когда в процессе общественной жизни средства, избираемые людьми для достижения известных целей, берут верх над самими целями, заступают их место. Т<аким> образом, имея в виду те цели, которые ставились в известном случае, и видя, что они извращаются, вырождаются, можно в этом смысле высказывать оценки результатов, говорить о патологическом процессе»¹⁸.

Часто на заседаниях присутствовал историк литературы П.Н. Сакулин, который говорил о значении литературы в социологии и о значении социологии для литературы. Павел Николаевич отмечал, что значение литературы для социологии очень велико и имеет большое значение, особенно литературно-публицистические произведения, например, очерк Короленко «На затмение», который в результате исследований мог бы привести к интересным результатам социологического характера. Что касается влияния социологии на литературу, Сакулин также дал утвердительный ответ: «Социология и до сих пор привлекалась для объяснения литературных явлений. Успехи в ее области

¹⁶ Из выступления В.А. Свагинского // Протокол заседания Института социальной психологии № 24 от 26/13 февраля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 30 bis от 11 апреля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 27 об.

окажут, конечно, большое влияние на историю литературы. Особенно важно для истории литературы научное освещение более сложных социологических вопросов»¹⁹. Он особо отметил, что до сих пор в литературе в основном отражалась жизнь высших общественных классов, в то время как не менее живой интерес представляет жизнь и психология других слоев общества.

Каждое заседание института проходило в атмосфере жарких дискуссий и споров, но заканчивалось, как правило, поручением сотрудникам подготовить к следующему собранию трактовку терминологии или предложить свою методику наблюдений. Затем предложения снова обсуждались и принималась общая схема наблюдений. В частности, В.Н. Ивановский в обзоре революционного движения, основанном на фактическом материале, собранном им на улицах Москвы и Казани в 1917–1918 гг.²⁰, обратил внимание на важность переживания и передачи фактического материала так, «чтобы он мог переживаться и другими»²¹. В.М. Хвостов соглашался с ним, но подчеркивал, что стремление к конкретности может существовать только на начальном этапе работы, во время сбора фактов живой или исторической действительности, дальнейшая же стадия работы социального психолога заключается в абстрагировании и разъяснении материала о фактах, в подведении его под определенные классификацию и рубрики. Следующую стадию работы он определял как обобщение, получающееся в результате сравнения однородных фактов.

Однако вскоре, в конце сентября 1917 г., интерес исследований сосредоточился на другой теме – психологии армии. В основу метода сбора информации и изучения были положены те же принципы, что ранее использовались при изучении такого явления, как психология толпы, но этого было недостаточно. Имеющихся сотрудников явно не хватало для проведения исследования. Вениамин Михайлович привлек к работе на правах консультантов военных специалистов и опытных психиатров, знающих положение дел в армии, но в то же время имеющих хотя бы какую-нибудь научную подготовку. Среди них были: Н.Н. Соколов, С.П. Терновский, поручик

¹⁹ Протокол заседания Института социальной психологии № 4 от 19 сентября 1917 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

²⁰ Ивановский Владимир Николаевич (1867–1939) – российский и советский философ. Ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии», профессор философии историко-филологического факультета Казанского университета, ректор Самарского государственного университета (1919–1921).

²¹ Протокол заседания Института социальной психологии № 31 от 16 апреля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

Смолин и В.А. Свацинский²². Кроме сбора фактического материала, считалось полезным использовать дневниковые записи и письма военных, в том числе солдатских, причем как дореволюционного времени, так и современных. Сравнение тех и других, по замыслу участников проекта, должно было помочь им разобраться в причинах изменений, происшедших в состоянии армии, в том числе одного из важнейших вопросов – о том, какими средствами может быть достигнута военная дисциплина, утраченная в период революционных преобразований [Юрганов 2020].

Н.К. Кольцов²³ [Горелова 2017, с. 250–253] заинтересовался деятельностью института и, часто посещая его заседания, в свою очередь делился опытом работы над проектом организации статистического бюро при культурно-просветительском отделе Политического управления Военного министерства. В качестве дополнительного ресурса Кольцов предложил сотрудникам института воспользоваться возможностью наблюдений над солдатской средой в недавно открывшемся солдатском университете.

На одном из октябрьских заседаний был прочитан доклад «Психология армии», его подготовила М.В. Резцова, в нем она подвела теоретическую базу – составила свод наиболее распространенных взглядов на то, чем должна быть армия, а затем на основании их составила схему, которая могла бы облегчить практическое изучение психологии армии. Но при этом она столкнулась с некоторыми

²² Вероятно, Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928), юрист (адвокат), активный участник Февральской революции. Входил в состав военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, один из авторов «Приказа № 1» от 1 марта 1917 г. о гражданских правах солдат. С.П. Терновский посетил 12 заседаний Института (октябрь 1917 – август 1918), других сведений о нем установить не удалось; о поручике Смолине дополнительных сведений не обнаружено (участвовал в заседании института один раз 27 октября 1917 г.). Витольд Александрович Свацинский, присяжный поверенный, прапорщик, в 1917 г. Свацинский был уже в отставке. Он принимал активное участие во всех заседаниях института социальной психологии до 15 октября 1918 г. и позднее уже не упоминается в записях института. По воспоминаниям В.В. Стратонова, когда большевики объявили мобилизацию в 1918 г., Свацинский временно укрылся в Одессе, а затем, спасаясь от репрессий, уехал в Польшу (*Стратонов В.В.* По волнам жизни. М.: НЛЮ, 2019. Т. 2. Серия «Россия в мемуарах». URL: <https://books.google.ru/books?id=HiWeDwAAQBAJ&pg=PR176&lpg=PR176&dq=Свацинский> (дата обращения 10.12.2022).

²³ Николай Константинович Кольцов (1872–1940), ученый-биолог. В 1917 г. (по другим данным в 1916 г.) создал Биологический институт при Московском научном институте, которым руководил до 1939 г.

фактами, которые делают составление этой схемы более сложным делом, чем составление схемы для изучения толпы. Она привела целый ряд доказательств своего тезиса, собранных из теории и практики трудов об армиях разных стран²⁴, и на этом основании сформулировала отличия армии как организованной вооруженной силы от случайно организованной толпы²⁵.

Военные специалисты, прошедшие службу в действующей армии, по-разному реагировали на теоретические изыскания сотрудников института, особенно когда речь шла о формировании опросной анкеты. Например, поручик Смолин напрямую связывал степень материального обеспечения армии с «кривой дезертирства», которую он составлял в полевых условиях войны. Он считал, что «нет нужды и в особой военной дисциплине и особом военном воспитании. То и другое, хотя бы на это тратили массу времени и труда при столкновении с боевой обстановкой во время войны, оказываются совершенно непригодными, и на сцену выступает психология отдельного бойца, решающая все дело. Эта психология зависит от того, как поставлено воспитание гражданина»²⁶. Доктор Соколов, член военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, выражал сомнение относительно возможности полагаться на искренность ответов солдат и части офицеров, и это, по его мнению, могло бы привести к некорректным выводам относительно психологического состояния армии. Он вообще сомневался в возможности изучать армию в ее больном состоянии²⁷. Хвостов, наоборот, был уверен, что болезненное состояние армии очень помогает выяснению того, что можно называть здоровым ее состоянием.

Дополнением к материалу Резцовой послужило сообщение ее коллеги А.Г. Левенталь, которая взяла небольшое интервью у офицера с целью выяснения целесообразности сбора подобного материала. Участники заседания признали полезность такого опыта и приняли решение применять его в дальнейших исследованиях. Кроме того, Левенталь прочитала несколько солдатских писем дореволюционного времени, что навело на мысль об их большой ценности для

²⁴ Н.А. Ухач-Огорович. «Военная психология» (1911) и «Психология толпы и армии» (1911); А.С. Резанов. «Армия и толпа: Опыт военной психологии» (1910); Г. Мох. «Постоянная армия и милиция» (1896); Г. Роланд Гольст. «Всеобщая стачка и социал-демократия» (1906).

²⁵ Резцова М.В. Доклад «Психология армии», прочитанный на заседании института 24 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 7. Л. 2, 5–5 об.

²⁶ Протокол заседания Института социальной психологии № 9 от 27 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

²⁷ Там же.

исследования психологии армии, причем в сравнительном аспекте с современными письмами солдат [Хорхордина 2017]. Такие исследования могли бы «многое уяснить в вопросе о причинах изменения состояния армии и подвести отчасти к решению самого жгучего и большого вопроса относительно армии, именно о средствах, какими может быть достигнута дисциплина, существовавшая в русской армии раньше и разрушенная теперь», – и это, по убеждению В.М. Хвостова, «основной вопрос, на который наш институт должен стремиться ответить. Только научная беспристрастная работа может разрешить спор о так называемой «сознательной дисциплине», спор, который совершенно безумен и бесполезен, пока в нем исходят из партийных собраний, пока игнорируют всякую научную и, тем более, социологическую подготовку»²⁸.

С.П. Терновский горячо поддержал предлагаемую методику сбора фактов и высказался за скорейшую разработку анкеты. Опытом по составлению анкет для опроса военных обладал доктор М.П. Кутанин²⁹, сотрудничавший с институтом. Его опыт был чрезвычайно полезным, поэтому В.М. Хвостов предложил создать комиссию для составления опросной анкеты с привлечением к этой работе, кроме военных, специалиста-статистика.

К началу ноября был готов первоначальный вариант анкеты, которая состояла из следующих вопросов: «о прежнем положении анкетуемого (сословия, занятия, семейное положение и т. п.); об отношении к перевороту (25 октября 1917 г. – Г. Л.); об отношении к прежней дисциплине (в армии. – Г. Л.); отношении к врагу; отношении к внешней политике; отношении к политическим партиям»³⁰ и т. д. Однако этот вариант Хвостов подверг критике, так как включенные в анкету вопросы, по его мнению, были слишком общими, не имели конкретной формулировки, поэтому он предложил разбить их на более мелкие элементы. Дискуссии по изучению психологии армии продолжались до конца 1917 г. В итоге Хвостов наконец пришел к убеждению, что на первых порах выработанная институтом систематическая таблица будет полезна для взаимодействия с офицерами и высшим командным составом армии, которых сотрудники смогут привлечь к работе или провести в их среде опрос, так как

²⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 6 от 3 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁹ Михаил Павлович Кутанин (1883–1976) – русский ученый-психиатр, гипнолог, основатель саратовской психиатрической школы (1922). После Февральской революции 1917 г. оказался на фронте – был начальником санитарного поезда.

³⁰ Протокол заседания Института социальной психологии № 9 от 27 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

распространение ее в широких армейских массах в настоящих условиях невыполнимо.

В 1918 г. военная тема перестала быть актуальной для института, что было связано с изменениями в политической ситуации в стране после октября 1917 г. Представители Временного правительства, с которыми сотрудничал институт, были свергнуты новой властью. Большевики, как и их предшественники, понимали необходимость реформирования армии, но основывались они уже на собственной идеологической платформе, полностью отмежевываясь от «буржуазной военной науки» [Лисицына 2020, с. 179]. Формируя новую военную психологию, советское руководство поставило задачу содействовать созданию и укреплению армии «нового типа, свободной от идеализма, основанной на материалистическом толковании психологических явлений» [Барабанщиков, Феденко 1968, с. 16].

Правительству большевиков необходимо было формировать новую армию, поэтому оно вынужденно было привлекать бывших военных специалистов. В связи с этим неудивительно, что весной 1919 г. институт вернулся к теме изучения социальной психологии армии. Специально организованная комиссия, в состав которой вошли В.М. Хвостов и Л.Д. Баршева (она вела протокол) и военные специалисты – Д.К. Лебедев, Н.С. Беляев, В.И. Селивачев, П.А. Глазков, С.Д. Харламов, А.А. Свечин и Н.Н. Сучков³¹, прово-

³¹ Все перечисленные лица были в прошлом офицерами Русской императорской армии, видными военными специалистами, мобилизованными советской властью для работы в высших управленческих структурах Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА): Дмитрий Капитонович Лебедев (1872–1935) – генерал-майор Русской императорской армии, с 1918 г. военный специалист РККА – чиновник Главного управления Генерального штаба и ученый секретарь военно-исторической комиссии по описанию событий Первой мировой войны, преподаватель. Николай Семенович Беляев (1866–1935) – генерал Русской императорской армии, герой Первой мировой войны, военный специалист РККА, занимал должность инспектора Главного управления военно-учебных заведений Всероссийского главного штаба, с 1919 г. – преподаватель Военной академии РККА. Владимир Иванович Селивачев (1868–1919) – генерал-майор Русской императорской армии, военный специалист РККА. В 1918 г. призван в Красную Армию, занимал должность сотрудника по исследованию и использованию опыта войны при Всероссийском главном штабе. Петр Александрович Глазков (1869–1867) – по сведениям на 1916 г., офицер Русской императорской армии (подполковник), участник Первой мировой войны, командир 2-го дивизиона 10-й полевой тяжелой артиллерийской бригады. Сергей Дмитриевич Харламов (1881–1965) – полковник Русской императорской армии, в мае 1918 г. добровольно вступил в РККА, был

дила свои совещания в редакции журнала «Военное дело». Комиссия должна была выработать совместный план работы для изучения военной психологии. По мнению В.М. Хвостова, это был чрезвычайно удачный исторический момент, когда в короткий срок разложилась старая армейская система и начинала складываться новая армия, в состав которой вливались образованные военные кадры царского времени.

На совместном заседании В.М. Хвостов изложил свои взгляды на современное состояние социальной психологии как науки, указав на то, что, только усвоив задачи и методы социальной психологии, можно будет подвести прочный научный фундамент и под исследование психологии армии. Он сообщил собранию о тех попытках, какие предпринимались Институтом социальной психологии для выработки программы изучения психологии армии, затем ознакомил с самой программой и сделал ряд предложений относительно дальнейшего направления начатой работы. Эти предложения были изложены В.М. Хвостовым в ряде статей, написанных для журнала «Военное дело»³² под заголовком «Социальная психология и военное строительство». В них он рассматривал вопросы рациональной организации аппарата армии и предлагал методику наблюдения за жизнью армейской системы. Он считал невозможным строить изучение социальной психологии армии изолированно, исследование должно быть связано, по его мнению, с общей наукой социальной психологии, которая устанавливая общую классификацию социальных образований, отводит определенное место армии как одному из видов социальных образований. Хотя комиссия рассматривала все составленные институтом программы по изучению психологии армии, в которых ставились вопросы, подлежащие изучению, постоянные дебаты относительно терминологии, нормативной базы,

назначен начальником Отделения оперативного управления Всероссийского главного штаба, с февраля по май 1919 г. – преподаватель Военной академии РККА. Александр Андреевич Свечин (1878–1938) – генерал-майор Русской императорской армии. В марте 1918 г. перешел на сторону большевиков, был назначен начальником Всероссийского главного штаба, затем преподавал в Академии Генерального штаба и занимал пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и стратегии. Расстрелян в 1938 г. Персонаж романа А. Солженицына «Красное колесо». Николай Николаевич Сучков (?–[1919]) – во время Первой мировой войны офицер в штабе Юго-Западного фронта, после революции, в апреле 1918 г., служил в Москве в офицерской школе маскировки при Главном штабе.

³² *Хвостов В.М. Социальная психология и военное строительство // Военное дело. 1919. № 9–10. С. 396–400.*

психологических особенностей в армии и методов сбора информации так и не переросли в общие принципы и методы исследования. Комиссия не довела работу до конца и осенью 1919 г. прекратила свое существование. Этому также способствовали и тяжелые условия повседневной жизни, «чрезвычайно затруднявшие работу, на эту попытку губительно повлияло и развитие Гражданской войны [Бызов 2011, с. 112].

Несмотря на все трудности, работы В.М. Хвостова и проект по изучению социальной психологии армии, несомненно, повлияли на создание в марте 1920 г. при Академии Генерального штаба опытной психологической лаборатории, главной целью которой стало «научное, систематическое изучение тех отделов психологии, которые могут иметь <...> отношение к военной практике» [Бызов 2011, с. 112].

К концу 1919 г. в поле зрения института оказался новый объект для изучения — кооперация. Существовавшее до революции кооперативное движение объединяло множество кооперативов и артелей под эгидой всероссийских и московских центров. Среди них значительное место занимали Артель-банк, Совет промышленной кооперации, Всероссийский центр кустарно-промышленной кооперации (Кустарсбыт), редакция журнала «Вестник промысловой кооперации» и Всероссийское объединение лесных союзов трудовых артелей (Волста). Получение заказа на исследование социальной психологии кооперативов стало для института большой удачей как с точки зрения направления исследования, так и с финансовой стороны³³.

2 сентября 1919 г. Хвостов выступил с программной речью перед участниками заседания, в котором, кроме сотрудников, приняла участие и группа представителей разных организаций, представлявших кооперативное движение³⁴. Он объявил, что от работы теоретического и абстрактного характера институт переходит к изучению социальной психологии «путем чисто конкретного

³³ Приходно-расходная книга Института социальной психологии за 1917–1921 гг. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–40.

³⁴ В.А. Перелёшин – председатель правления Артельсовета, А.И. Кондратьев – управляющий делами Сельскосовета, И.Я. Блинов – заведующий отделом Центрального союза «Кооперативное зерно», Н.Н. Ломакин – инструктор Артель-банка, А.Н. Марков – секретарь Совета промысловой кооперации, В.С. Малченко – юрист, инструктор московского Союза кустарных артелей, Н.И. Курочкин – инструктор Центрального кооперативного товарищества плодородов и огородников и другие (см.: Протокол заседания Института социальной психологии № 89 от 02.09.1919 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 4. Л. 48).

подхода к обследованию самой социальной жизни» и объектами такого исследования в первую очередь выдвигаются два социальных образования – армия и кооператив. В.М. Хвостов подготовил ряд докладов и статей о значении социальной психологии для кооперации. Специалисты кооперативного движения, в свою очередь, обращали внимание сотрудников института на особенности текущего момента, «когда происходит много болезненных явлений в этой области и когда мы здесь видим борьбу разных психологических мотивов, но редко находим подлинную душу кооператива, какой она должна быть»³⁵.

Сбор материала, как правило, проводился в виде опроса работников, в основном женщин, за каждой из которых, по словам Н.Н. Фадеевой, – «чувствуется своя жизненная драма...»³⁶.

Сложность наблюдения за происходящими в кооперативной среде явлениями ставила перед исследователями новые задачи, поэтому в дальнейшем после многочисленных дебатов, в том числе с представителями кооперации, были намечены разные формы наблюдений. Хвостов, в частности, предложил целый ряд методов и приемов изучения кооперативов, состоящих из сравнительно-исторического изучения кооперативного строительства; наблюдений массовых процессов через наблюдения отдельных кооперативов; применения детального «микроскопического» анализа для их исследования; составления биографий и характеристик отдельных личностей, как крупных, так и «заурядных»; сбора всевозможных материалов в виде записей наблюдений, отчетов, протоколов съездов, совещаний, уставного материала, инструкторских докладов и т. п.; составления общей программы изучения кооперативной психологии, а также отдельных опросников как для кооператива в целом, так и отдельной личности³⁷.

В процессе исследования социальной психологии кооперативов постоянными участниками заседаний института были такие известные экономисты, как И.В. Мозжухин, Н.Д. Кондратьев, И.А. Поплавский, В.А. Перелёшин. Они не могли игнорировать новые тенденции социалистической экономики, тем более что среди специалистов, привлекаемых к исследованию психологии кооперации, к 1920 г. появлялось все больше представителей новой власти, пытавшихся изменить направление основного замысла исследования, до сих пор свободного от навязываемой

³⁵ Там же. Л. 49.

³⁶ Бызов Л. Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022).

³⁷ Протокол заседания Института социальной психологии № 93 от 6 октября 1919 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 4. Л. 62.

большевистской идеологии. 12 января 1920 г. состоялось заседание, посвященное проблемам исследования кооперации, речь на нем шла в основном о различии между артелями и коммунами, между кооперативным движением и социализмом³⁸. Основным докладчиком по теме был В.И. Барыков³⁹, большинство участников (А.В. Вавулин, Н.А. Витке⁴⁰, В.М. Хвостов и сам В.И. Барыков) в прениях по докладу выразили свое отношение к идеологическим нападкам со стороны социалистов, они пришли к выводу, что нецелесообразно убеждать противников кооперации идеологическими доводами, а необходимо сосредоточиться на деловой практической деятельности. Но воплотить такое намерение в реальной жизни было непросто, идеологические споры отвлекали сотрудников от исследовательских задач, что, видимо, в значительной степени повлияло и на депрессивное настроение В.М. Хвостова. Кроме того, малочисленный кадровый состав института не мог в полной мере справляться со сроками и объемами поставленной задачи, а идея создания сети корреспондентов для проведения опросов в кооперативной среде не была в полной мере реализована.

2 февраля В.М. Хвостов провел последнее в своей жизни заседание. Извинившись за свое болезненное состояние⁴¹, он представил собравшимся программу по изучению публики, выработанную еще

³⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 119 от 12 января 1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

³⁹ Барыков Всеволод Иванович – деятель промысловой кооперации, автор книг «Заработная плата кустарей Костромской губернии» (Кострома, 1915); «Льняная крестьянская промышленность Костромской губернии» (Кострома, 1919); «Об издании общеземского органа в интересах мелкой и кустарной промышленности» (Казань, [1909]); «Статистические данные по обязательному земскому страхованию Костромской губернии за 1879–1901 годы» (Кострома, 1902); «Ткацкий промысел» ([Кострома], 1914) и др. Активный участник заседаний в Институте социальной психологии в 1919–1920 гг.

⁴⁰ Вавулин А.В. – представитель промысловой кооперации. Активный участник заседаний в Институте социальной психологии в 1919–1920 гг. Витке Николай Андреевич – сотрудник Института социальной психологии, исследователь в области организации труда и управления, один из инициаторов НОТовского движения в 1920–1930 гг. Отстаивал идею целостного подхода к управленческой деятельности, основы которой изложены в работе «Организация управления и индустриальное развитие» (1925).

⁴¹ В.М. Хвостов пропустил предыдущее заседание института 26 января 1920 г.

в 1917 г. Сделал он это в связи с появлением новой темы исследования – психологии слухов⁴².

Трагическое происшествие стало известно только 10 февраля, когда сотрудники пришли на очередное заседание⁴³. Вениамин Михайлович покончил с собой 5 февраля, возможно, на его душевное состояние повлияли несколько причин.

Профессор Московского университета С.Б. Веселовский сделал запись об этой трагедии в своем дневнике: «Какую ужасную драму должен был пережить этот уравновешенный, самоуверенный и самонадеянный человек, обладавший недурным, во всяком случае, здоровьем и значительной силой воли. Его смерть производит тяжелое впечатление. Так гибнут один за другим представители верхов нашего образованного класса. И не видно конца этому ужасу»⁴⁴.

После смерти Хвостова его имя было присвоено институту, но продержался институт недолго, хотя его новый руководитель, профессор Московского университета историк Р.Ю. Вишпер⁴⁵, старался поддерживать и продолжать намеченный его предшественником план исследований. Институт продолжал работу до середины 1922 г., известно, что примерно в это время Вишпер вынужден был покинуть Московский университет из-за идеологических разногласий с советской властью. Формально с этого момента Институт социальной психологии прекратил свое существование.

Причиной стало отсутствие интереса со стороны государства к социологии как науке, которая вскоре и вовсе оказалась под запретом, и, как следствие, прекращение финансирования и лишение помещения (руководство университета потребовало освободить его для Бактериологического института). Около двух лет бывшие сотрудники института под руководством Л.А. Бызова пытались продолжать работу и исследования в области общественного строительства в форме кружка, но и эта инициатива продержалась лишь до первых месяцев 1924 г.

⁴² Протокол заседания Института социальной психологии № 124 от 2.02.1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁴³ Протокол заседания Института социальной психологии № 126 от 10.02.1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁴⁴ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 118. Запись в дневнике ошибочно датирована 29 января 1920 г., в это время В.М. Хвостов был еще жив. Вероятно, Веселовский иногда вел записи задним числом, поэтому случались ошибки.

⁴⁵ Роберт Юрьевич Вишпер (1859–1954), российский историк, с 1901 по 1922 г. – профессор Московского университета.

Заключение

Вениамин Михайлович Хвостов понимал, что без социологии, начальные ростки которой только начали проявляться в России, проигрывают не только общественные науки, но и вся научная среда начала XX в. Свою инициативу по созданию нового исследовательского направления он начал реализовывать в переломный исторический момент, когда «Февральская революция многими воспринималась как борьба за свободу и гражданские права»⁴⁶, а общественная жизнь во всех ее проявлениях стала важным явлением, которое должна была изучать новая научная дисциплина – социология – свободная от идеологических догматов. В октябре 1917 г. страна погрузилась в другую реальность – революция и победа большевиков неизбежно внесли свои коррективы в деятельность института. Особенно трудно было в зимний период 1918–1920 гг., при постоянном дефиците продуктов питания, тесноте и холоде в помещениях, при отсутствии регулярной работы транспорта и неуверенности в завтрашнем дне из-за царящего бандитизма и чекистского террора⁴⁷. Однако сотрудники института продолжали свою работу в области изучения социально-психологических

⁴⁶ Федотов Г.П. Февральская революция 1917 года // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 258.

⁴⁷ Из дневника Н.П. Окунева, запись 17/30 июля 1918 г.: «Советская власть должна обеспечить свой тыл, против нее, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее. <...> Скорее бы уж, что ли, “придушали” нас, как это обещается Лениным и Троцким. Жизнь стала совсем невозможной <...> неровен час попадешь на Лубянку № 11. (Историческое место; застенок; там заседает Чрезвычайная комиссия <...>, оттуда ежедневно выносятся десяткам несчастных или преступных людей быстрые и безапелляционные смертные приговоры)» (Окунев П.Н. Дневник москвича: 1917–1924. Paris: YMCA-PRESS, 1990. С. 206). Из записей в дневнике Н.Н. Фадеевой от 2 ноября/20 октября 1918 г.: «Трамваи с сегодняшнего дня ходят только с 7 до 11 утра и с 4 до 7 вечера»; от 4 ноября/22 октября: «Сегодня был чрезвычайно утомительный день: в 9 часов вышла из дому, до 4 на фабрике, оттуда в институт. И при том, за отсутствием трамваев, два конца пешком...»; от 6 ноября/24 октября: «Утром пошла на фабрику. Работали там до часу, потом пришлось идти пешком, так как трамваи перестали ходить...»; от 5 января 1919 г.: «Сегодня с утра звонила тетя, сказала, что у них не осталось дров, нет хлеба, у нее нет уже сил жить так, просит приютить всех у нас. По этому поводу весь день обсуждали, как мы можем еще уплотниться» (Бызов Л. Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022)).

процессов и явлений в общественной жизни. Объемы этой работы исчисляются многими часами заседаний, опросными листами и анкетами, рефератами и докладами, научными спорами, практической деятельностью в среде самых разных социальных групп. Но со временем общая обстановка в стране и порядки, установленные советской властью, становились мощным раздражителем для Хвостова. В таких условиях осуществлять работу было крайне трудно, мечта о создании Социологического института представлялась ему недостижимой. В это время любой ничтожный повод мог привести к катастрофе, что и произошло 5 февраля 1920 г.

Институт социальной психологии просуществовал всего пять лет, история его деятельности сохранилась благодаря его бывшим сотрудникам Леонтию Алексеевичу Бызову (1886–1942) и особенно его жене – Наталье Николаевне Фадеевой-Бызовой (1892–1985). Сохраненные ими документы перешли по наследству к их внуку Леонтию Георгиевичу Бызову – московскому социологу. В 2017 г. он передал в Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге протоколы заседаний института, а в 2018 г. архив пополнился материалами, ранее хранившимися у Максима Ефимовича Осовского, которые вместе с протоколами составляют архивный фонд, получивший название Л-18 «Леонтий Алексеевич Бызов»⁴⁸. В настоящее время фонд состоит из трех частей, из которых две имеют отношение к деятельности Института социальной психологии⁴⁹.

В 1-й описи фонда сформированы 8 единиц хранения: протоколы заседаний Института социальной психологии с 1917 по 1922 г. включительно и протоколы заседаний Кабинета общественного строительства и затем его правопреемника – кружка с подобным названием, которые до 1924 г. на общественных началах продолжали дело, начатое Вениамином Михайловичем Хвостовым, его создателем и руководителем до 1920 г. Внутри каждой единицы хранения находятся описания каждого протокола: его номер, дата проведения заседания, имя участников заседания и темы их выступлений. Всего в опись внесены описания 256 протоколов на 732 листах. Все протоколы представляют собой рукописные тексты в удовлетворительной степени сохранности, но небольшая их часть имеет значительные повреждения. Все тексты протоколов оцифрованы, осуществлен компьютерный набор протоколов с целью их будущей публикации.

⁴⁸ Архив ЕУСПб. Ф. Л-18 «Л.А. Бызов». URL: <http://arch.eu.spb.ru/object/1277290> (дата обращения 10.12.2022).

⁴⁹ В 3-ю опись фонда Л-18 внесены документы (80 ед. хр.) с 1928 по 1968 г. за период деятельности Л.А. Бызова вне института, в основном о его деятельности уже в Институте графического языка.

Во 2-ю опись фонда внесены документы о деятельности института и его сотрудников: сохранившиеся доклады, рефераты, конспекты, опросные листки, приходно-расходные книги, проекты программ, устав. Доклады и рефераты дополняют протоколы заседаний. В описании к ним дается ссылка на номер и дату протокола заседания, когда они были зачитаны. Всего во 2-ю опись внесено 109 единиц хранения за 1913–1928 гг.

Состав и содержание документов о создании и деятельности Московского института социальной психологии представляют собой большую историческую и научную ценность, их изучение и публикация могут внести новый вклад в такие направления, как история формирования российской и советской науки в начале XX в., история российской социологии, а также в области отдельных биографических исследований.

Литература

- Барабанчиков, Феденко 1968 – *Барабанчиков А., Феденко Н.* К вопросу о развитии советской военной психологии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 15–25.
- Бызов 2011 – *Бызов Л.А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
- Горелова 2017 – *Горелова Л.Е.* История создания Московского научного института – вольной научной академии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 4 (25). С. 250–253.
- Лисицына 2020 – *Лисицына Г.Г.* История Московского института социальной психологии (по материалам протоколов заседаний института: 1917–1924) // Социологический журнал. 2020. № 3 (26). С. 172–193.
- Хорхордина 2017 – *Хорхордина Т.И.* Революция 1917 года и российские архивы: как это было // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 38–56.
- Щедрина, Пружинин 2019 – *Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И.* Вениамин Михайлович Хвостов и Густав Густавич Шпет: «разговор» о методологии исторического знания // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М.: РОССПЕН, 2019. С. 367–380.
- Юрганов 2020 – *Юрганов Ю.Л.* Повседневность в истории России: опыты реконструкции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 10–14.

References

- Barabanshchikov, A. and Fedenko, N. (1968), "On the issue of the development of Soviet military psychology", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 12, pp. 15–25.
- Byzov, L.A. (2011), "Institute of Social Psychology in Moscow", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 104, no. 4, pp. 107–130.
- Gorelova, L.E. (2017), "The history of the creation of the Moscow Scientific Institute – a free scientific academy", *Issues of social hygiene, public health and history of medicine*, vol. 25, no. 4, pp. 250–253.
- Khorkhordina, T.I. (2017), "The 1917 Revolution and Russian archives. How it all happened", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 38–56.
- Lisitsyna, G.G. (2020), "The history of the Moscow Institute of Social Psychology (based on the materials from Institute Meeting Reports. 1917–1924)", *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 26, no. 3, pp. 172–193.
- Shchedrina, T.G. and Pruzhinin, B.I. (2019), "Veniamin Mikhailovich Khvostov and Gustav Gustavovich Shpet: 'conversation' about the methodology of historical knowledge", in *Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevskii, D.M. Petrushevskii, V.M. Khvostov* [Methodology of history: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Iurganov, A.L. (2020), "Everyday in Russian history. Experiences of reconstruction", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 10–14.

Информация об авторе

Галина Г. Лисицына, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 1; galina@eu.spb.ru

ORCID ID: 57219267327

Information about the author

Galina G. Lisitsyna, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; bld. 1, Shpalernaya St., Saint Petersburg, Russia, 191187; galina@eu.spb.ru

ORCID ID: 57219267327